

своим бывшим товарищам, среди которых он называет Ф.Е. Пухова. Если фамилия, имя и отчество действительно принадлежали реальному человеку, то нужно отдать должное художественному мастерству и интуиции Платонова, сумевшего органично вписать их в контекст повести. Возможно, это тот случай, когда само имя способствовало построению сюжета и детальной разработке ряда мотивов, связанных со змееборческим мифом.

Примечания

1. Платонов А.П. Взыскание погибших. М., 1995.

© О.В. Дозморов, Ю.В. Казарин
Екатеринбург

«ТИХОТВОРЕНИЕ» ИОСИФА БРОДСКОГО

1. Иосиф Александрович Бродский – поэт, замечательно обновивший не только способы и приемы поэтической номинации, но и расширивший, углубивший представления современников о языке, мышлении, литературе, искусстве и культуре, а главное, о поэзии и поэтическом тексте. Уникальность поэтической судьбы и миссии Бродского заключается в том, что он был творцом и участником русской поэтической парадигмы XIX–XX вв.

Местоположение поэзии в культуре Бродский определяет так: *«Язык и, думается, литература – вещи более древние, неизбежные и долговечные, нежели любая форма общественной организации... Философия государства, его этика, не говоря о его эстетике – всегда «вчера»; язык, литература – всегда «сегодня», и часто – особенно в случае ортодоксальности той или иной политической системы – даже и завтра»*. Или его определение книги как единицы не только культуры, но и пространства/времени вообще: *«Книга является средством перемещения в пространстве опыта со скоростью переворачиваемой страницы»*.

Следует отметить такую черту и научного, и поэтического мышления Иосифа Бродского, как абсолютная *дефиниционность*, определительность и определенность («письменный» текст (далее – ПТ) Бродского, как показали наши исследования, содержит в себе в качестве синтаксической и смысловой доминанты текстообразования дефиниционно-поэтические («предложения тождества и характеристики» – по Н.Д. Арутюновой) конструкции).

Практически отождествляя язык и поэзию, Бродский называет и формулирует важнейшее качество ПТ – *антропологизм*: *«Стихи – их создание и чтение – есть явление антропологическое, поскольку поэзия является важнейшей формой членораздельной речи (отличие ПТ от «текста» речевого – Ю. К.), то есть того, что выделяет человека из мира животных»*.

Бродского интересовал также собственно процесс сочинительства, ис-

следование которого привело поэта к замечательному открытию («*поэт – средство существования языка*») и установлению специфики взаимоотношений *языка, поэта и Бога* (в данном случае понятие «*Бог*» можно понимать как *душа, духовное, рациональное, может быть, эмоциональное пространство Космоса*). Бродский говорит в своей Нобелевской лекции: «*Черный вертикальный сгусток слов посреди белого листа бумаги, видимо, напоминает человеку о его собственном положении в пространстве, о пропорции пространства к его телу*». И это тоже открытие, как бы оголяющее психологическую суть поэтического творчества.

«*Ощущение вступления в прямой контакт с языком, точнее – ощущение немедленного впадения в зависимости от оного, от всего, что на нем уже высказано, написано, осуществлено*» (там же), – это о том же, о психологии, об особенностях поэтического мышления. Единство языка и поэта – основа культурно-поэтической и лингвофилософской концепции поэта: «*Пишущий стихотворение пишет его потому, что язык ему подсказывает или просто диктует следующую строчку*».

Сущность поэтической номинации Бродский видит в том, что «*стихосложение – колоссальный ускоритель сознания, мышления, мироощущения*». То есть, говоря прямо, поэзия приближает нас к Богу.

2. И. А. Бродский утверждает, что стихотворение – «это скорее лингвистическое событие». Поэтому мы будем относиться к его стихотворению «Тихотворение мое, мое немое...» как к прежде всего факту (или к «вещи») языка. Данный текст входит в цикл «Часть речи» и был создан в период с 1975 по 1976 гг. в первые годы эмиграции, когда поэт успел полностью восстановить свою языковую энергию после расставания с Россией. Следует отметить, что в это время И. А. Бродский активно осваивает второй (английский) язык и испытывает достаточно заметные изменения, происходящие в его «языковой личности». Как билингв в стадии активного развития и становления И. Бродский должен был ощущать некую динамику компонентов его языковой способности (термин Ю. Н. Караулова), когда в ряду основных компонентов языковой способности (фонетического, словообразовательного [морфологического], лексического и синтаксического) из пары ведущих компонентов лексического и синтаксического последний стал выделяться и актуализироваться в качестве доминирующего.

3. Ближайший контекст стихотворения Бродского в русской лирике включает в себя, по крайней мере «*Silentium!*» Ф. И. Тютчева, с его герменевтическим скепсисом и постулатом добровольного творческого молчания; «*Мой дар убог, и голос мой негромок...*» Е. А. Боратынского, с его утверждением самоценности человеческого существования, являющегося залогом понимания в будущем; а также «*Шестое чувство*» Н. С. Гумилева, где речь идет о невозможности лишь чувственно-телесного познания явлений духовного ряда («*тишина и неземной покой*», «*бессмертные стихи*»). Романтическая тема молчания, введенная в русскую

поэзию В.А. Жуковским («Невыразимое», 1819 г.), по-разному варьируется во всех вышеприведенных текстах русских поэтов, но общей для них является приоритетность «молчания» («тишины») как особого качества поэтической речи, обеспечивающего полное соответствие языка поэзии ее предмету. Бродский, с его лингвоцентризмом и онтологизацией языка, языковой системы и языковых явлений, онтологизирует и молчание, понимая его как речь Времени (см., например, «Горбунов и Горчаков», «Бабочка» и др.).

4. Лексико-смысловой, а также идеографический анализ языкового пространства данного стихотворения позволил установить следующее:

а) неологизм «тихотворение» является смыслообразователем и смысловыразителем; кроме того, эта лексема выполняет ведущую структурно-композиционную функцию оформления лексико-смысловой замкнутости («зеркальности») текста;

б) основные смыслы, которые выражает слово «тихотворение» таковы:

- «сотворенное в тишине»;
- «сотворенное тишиной»;
- «сотворение тишины»;
- «идеальное творение»;
- «потенциальное, могущее быть сотворенным»;
- «сотворенное в одиночестве» и т.д.

Ведущими смыслами, доминирующими в организации ядерной части общей лексико-смысловой системы стихотворения, являются все перечисленные; однако смысловой вариант «сотворение тишины» может считаться базовым в ряду остальных, так как идеальная речь, по В.А. Жуковскому, Ф.И.-Тютчеву и др., – это молчание;

в) в стихотворении выделяется несколько смысло-тематических групп слов, среди которых две группы со значением «молчание» и «речь», вступающая в антиномические отношения и связи, составляют основу общей и целой смысло-тематической структуры стихотворения.

5. Стихотворение И.А. Бродского «Тихотворение мое, мое немое...» тематически, лексически и просодически включается в традиционную (классическую) парадигму поэтических текстов русской поэзии XIX-XX вв. Что позволяет сделать вывод предварительного характера о том, что мотив (концепт) молчания остается в концептуальной сфере русской поэзии динамическими (подвижными), но неизменным.

© Ю.В. Доманский

Тверь

ТИПОЛОГИЯ НЕКЛАССИЧЕСКИХ СПОСОБОВ ЦИКЛИЗАЦИИ В АЛЬБОМАХ РУССКОГО РОКА

Мы исходим из того, что альбом в русском роке может быть рассмотрен как аналог лирического цикла. Наблюдения показали, что в рок-